

DOI 10.15826/izv2.2020.22.3.048
УДК 801.81:392.51-047.37(470.53)“19/20”

Ю. А. Крашенинникова

*Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкар, Россия*

СВАДЕБНЫЕ ПРИГОВОРЫ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ (архивные коллекции и публикации XIX — первой трети XX в.)

Проблема изучения свадебного обряда и поэтической составляющей ритуала разных локальных традиций и фольклорных регионов России, обращение к которой в каждом новом исследовании приближает к комплексному описанию весьма сложного явления традиционной культуры — русского свадебного обряда в его региональных и локальных вариантах, — остается актуальной в отечественной фольклористике. Цель настоящей работы — представить опубликованные и архивные записи свадебных приговоров, записанные на территории Пермской губернии в середине XIX — первой трети XX в., показать специфические черты этого жанра в Пермском регионе. Анализируя имеющиеся материалы, автор выделяет некоторые «типовые» элементы текстов, как характерные для «общерусского» фонда жанра, так и зафиксированные только в отдельных локальных традициях России, а также показывает наиболее яркие специфические поэтико-стилистические детали местной говорной традиции. Сравнение с записями других территорий позволило вписать пермские материалы в более широкий культурно-географический контекст, показать схождения с «общерусским» фондом жанра, говорить о текстологической близости пермских записей с текстами отдельных локальных традиций Русского Севера и Поволжья. Отмечены процессы, свойственные жанру в целом: его способность к усвоению и творческой переработке фольклорных и литературных произведений, использованию поэтического инвентаря и художественно-стилистических приемов обрядовой лирики, заговорно-заклинательной поэзии. В работе затрагиваются проблемы соотношения общерусского / локального репертуара, сходство фольклорного материала разных регионов, возникшее в результате миграций населения, межкультурного обмена.

К л ю ч е в ы е с л о в а: свадебный обряд; свадебные приговоры; Пермская губерния; специфика региональной фольклорной традиции; систематизация; XIX — первая треть XX в.

Благодарности

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ (№ 18-012-00202а «Русские свадебные приговоры в рукописях XIX — первой трети XX вв.»).

Ц и т и р о в а н и е: *Крашенинникова Ю. А.* Свадебные приговоры Пермской губернии (архивные коллекции и публикации XIX — первой трети XX в.). DOI 10.15826/izv2.2020.22.3.048 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 3 (200). С. 127–143.

Поступила в редакцию: 21.08.2019

Принята к печати: 20.07.2020

Yulia A. Krasheninnikova

*Institute of Language, Literature and History
of Komi SC UB RAS
Syktyvkar, Russia*

**WEDDING SPEECHES AND RHYMES OF PERM PROVINCE
(Archival Collections and Publications
of the 19th – First Third of the 20th Centuries)**

The issue of exploring wedding rites and their poetic component of different local traditions and folklore regions of Russia is a relevant sphere of Russian folklore studies. The consideration of the issue in each new study brings researchers closer to a complex description of a very intricate phenomenon of traditional culture, i.e. the Russian wedding rite in its regional / local versions. The aim of this work is to present and analyse published and archival materials of wedding speeches and rhymes recorded in the territory of Perm province between the nineteenth and the first third of the twentieth centuries. Analysing the materials, the author identifies “typical” elements of poetic texts which are characteristic of the “common Russian” fund of the genre or recorded only in certain local traditions of Russia, as well as specific poetic and stylistic details of the Perm tradition. Comparison with records of other territories makes it possible to include Perm materials into a wider cultural and geographical context, demonstrate their convergence with the “common Russian” fund of the genre and the textual proximity of Perm records to texts of local traditions of the Russian North and the Volga region. The author points out processes characteristic of the genre as a whole, i.e. its creative ability to adopt and use folklore and literary works, use the poetic means and the artistic and stylistic methods of ritual lyrics and incantation and charm poetry. Additionally, the article focuses on issues of correlation between general and local folklore repertoire, the similarity of folklore material of different regions which arose as a result of population migration and intercultural exchange.

Key words: wedding ritual; wedding speeches and rhymes; Perm province; specifics of regional folk tradition; systematisation; 19th – first third of the 20th centuries

Acknowledgements

The work was performed under grant 18-012-00202a of the *Russian Foundation for Basic Research* “Russian Wedding Speeches in Manuscripts of the 19th – the First Third of the 20th Centuries”.

For citation: Krasheninnikova, Yu. A. (2020). Svadebnye prigovory Permskoi gubernii (arkhivnye kollektzii i publikatsii XIX – pervoi treti XX v.) [Wedding Speeches and Rhymes of Perm Province in Archival Collections and Publications of the 19th – First Third of the 20th Centuries]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 3 (200), 127–143. doi: 10.15826/izv2.2020.22.3.048

Submitted: 21.08.2019

Accepted: 20.07.2020

Настоящая работа посвящена говорным жанрам свадебного обряда — приговорам свадебных чинов, зафиксированным на территории Пермской губернии с середины XIX по первую треть XX в., и является первым подходом к систематизированному описанию представленных в публикациях и отложившихся в архивах фольклорных записей свадебных приговоров, которые попали в поле нашего зрения. Ряд проблем, которые затрагиваются в работе, актуальны в современных фольклористических исследованиях: в частности, соотношение локального и общерусского, описание механизмов взаимодействия фольклорных жанров и, наконец, введение в научный оборот новых архивных документов.

Материалы, которыми мы оперируем, фиксировались в середине XIX — первой трети XX в. и представлены в публикациях и архивных коллекциях, хранящихся в архиве Русского географического общества [РГО], рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН [РО ИРЛИ], рукописном отделе Российской национальной библиотеки [РО РНБ], Государственном архиве Пермского края [ГАПК]. Корпус текстов составили по преимуществу приговоры свадебных дружек, зафиксированы единичные образцы приговоров сватов, банных приговоров. Записи второй половины XX в., хранящиеся в личных фондах П. С. Богословского, И. В. Зырянова [ГАПК; РО ИРЛИ], частично опубликованные [например: ЧС, с. 136–140, 205–206, 227, 236], мы привлекаем для диахронических наблюдений: демонстрации преемственности поэтического материала, жизнеспособности в местной традиции отдельных мотивов, формул, стилистических клише.

Судя по имеющимся материалам, на территории Пермской губернии¹ традиция приговаривать на свадьбах фиксировалась в нескольких точках. Содержательные, художественно развитые тексты отмечены в Оханском уезде в 1854, 1907, 1911 гг., к ним примыкает запись из Краснокамского района, правда, в единственной фиксации 1948 г. Второй точкой локализации является Шадринский уезд, записи из которого, датированные 1849, 1850, 1920-ми гг., хранятся в архиве РГО и рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, а также представлены в местных публикациях [Свадебные обряды...]. Третьей локальной традицией является Чердынский уезд и граничащие с ним территории, в которых на сегодняшний день мы имеем несколько близких по содержанию и композиции разновременных записей. Остальные фиксации можно назвать спорадическими, точечными, однако нельзя отказывать им в ценности, поскольку они, равно как и те, о которых мы упоминали выше, демонстрируют пути распространения жанра, его востребованность, и должны учитываться при изучении регионального фольклорного репертуара, в том числе и заводской среды (например, в Соликамском, Екатеринбургском уездах).

¹ В XIX в. Пермская губерния располагалась на большой территории, состояла из 12 уездов, 7 из которых (Пермский, Красноуфимский, Кунгурский, Осинский, Оханский, Соликамский и Чердынский) находились в западной (европейской) части, 5 уездов (Верхотурский, Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский и Шадринский) — в восточной (азиатской) части [Чагин]. По современному административному делению это территория Пермской, Свердловской, Челябинской областей, частично Курганской области и Башкирии.

Говоря о месте жанра в свадебном обряде Пермской губернии, укажем, что зафиксированы тексты, которые произносились дружкой в доме жениха до и после венчания, в доме невесты. Регулярны приговоры, в которых дружка просит благословения родителей или присутствующих на совершение какого-либо конкретного действия. Как правило, они лаконичны и схематично имеют следующий вид: обращение к NN + просьба о благословении [называется действие: «благословите к невесте ехать», «благословите дары преподнести» и др.]. Единичны пространные по объему тексты, в которых за просьбой или требованием о благословении следует детализированное описание совершаемых в будущем действий (ритуал проговаривается «наперед»), как, например, в записи 1948 г. из Краснокамского района:

Благословляйте нас ехать во чистое поле, в широкое раздолье, под буйные ветры, под частые звёзды. Ехать нам по сужену-ряжену, получить да в сани посадить, к божьему дому пристать, на правый клирос стать, закон божий принять со радостью, со божьей милостью, со свечами богу помолиться, золотые венцы надевать, животворный крест надевать [ГАПК, ф. Р-973, оп. 1, д. 261, л. 84]².

В нескольких записях просьбу о благословении предваряет описание с перечнем действий родителей, которые предпринимались ими до свадьбы (своеобразный «ретроспективно-перспективный взгляд»), как в публикации В. Н. Серебренникова:

...как вы умели свое чадо милое [в]споить-[в]скормить, обшивать-обмывать, на работу наряжать, на добрые дела научать, на коня посадить, в чисто поле отпустить, так же сумеете своим великим благословением благословить и среди полу дубового постановить! [Серебренников, с. 33].

В доме невесты популярны приговоры, которые касаются проверки готовности невесты и ее рода к свадьбе (например, регулярны вопросы о здоровье невесты и состоявшихся сватовстве, рукобитье: «жива ли и здорова ли?», «было ли просватанье, по рукам били, вино пили?»), организуют и комментируют ритуальные акты одаривания и угощения. Также посредством приговоров дружка узнает о готовности рода невесты к приезду жениха, спрашивая о наличии у стороны невесты свадебных чинов, отвечающих за встречу поезжан (формула «есть ли приворотники, придверники», мотив «дружка просит освободить полаты и поллицы для одежды поезжан»), о присутствии в доме невесты людей и животных, способных навести порчу (мотив «дружка заговаривается от порчи»), а также уточняет степень готовности к свадьбе (просит обеспечить кормом коней, узнает о готовности свадебного стола и угощения, и др.).

Сравнение с материалами разных локальных традиций и регионов России позволяет выделить в пермских записях « типовые » элементы [Путилов, с. 166] — мотивы, формулы, стереотипы, клише, типизированные описания,

² Все архивные материалы публикуются с сохранением орфографии оригинала.

стилистические приемы и пр. Ряд таких типовых элементов поэтики и стиля относится к общефольклорному фонду жанра, некоторые зафиксированы лишь в отдельных локальных традициях России, и, наконец, есть элементы, которые можно назвать специфической чертой пермской традиции. Ограниченный объем статьи не позволяет подробно остановиться на каждой из групп, ниже мы отметим некоторые наиболее рельефные моменты.

К первой группе относятся типизированные описания и формулы, которые встречаются в текстах не только пермской традиции, но и многих других местностей России, в частности:

— формула *«есть ли приворотники, придверники»* (6 текстов) имеет способность к расширению за счет включения в перечень других чинов (*караульщики, привратники, пристольники* и др.) с названием места их локализации или функции: *«Будут ли у вас у ворот приворотнички, у дверей придвернички?»* [ГАПК, ф. Р-973, оп. 1, д. 391, л. 2, Кировский р-н г. Молотова, 1947]; *«...у ворот приворотнички, у дверей — придвернички, у брусков — забруснички, у матки — заматнички, у столов — застольнички, у трубчатой косы — прикоснички...»* [Аргентов, 1940, с. 177];

— формула *«сена до колена, овса до щетки»* (вар. *«сено до ушей, овес до копыт»*) включена в приговоры с требованием / просьбой накормить коней поезжан (4 текста). В пермских записях за формулой следует просьба подать выпить (*«Да еще будет ли у вас сена до колена, овса до щетки, а нам, поезжанам, по стакану водки?»*) [ГАПК, ф. Р-973, оп. 1, д. 391, л. 2 об., Кировский р-н г. Молотова, 1947]) или описание с цепевидной конструкцией «если нет А — дайте Б, нет Б — дайте В, и т. д.», где А, Б, В — названия разных видов корма (овсяная соломка, ржанка, колосьянка, осинового дрова) (*«Будет ли всем сена по колена и овса до шишток? Нету сенца — принесите овсяной соломки, нету овсяной соломки — принесите ржанки, нет ржанки — принесите осинового дров беремья, чтобы наши добрые кони бежали и ржали, бодрее головы держали...»*) [Аргентов, 1925, с. 17]). Тексты с такой структурой обнаруживаются в вологодских, вятских, нижегородских материалах [Крашенинникова, 2003, с. 88–89; Коропова, с. 538–539];

— формула *«ноги с подходом, руки с подносом, голова с поклоном, язык с приговором»* используется для характеристики участников свадьбы (друзья, жениха, молодой пары, повара и др.) в приговорах, приуроченных к ритуальным актам дарения, угощения родителей и гостей (7 записей из Шадринского, Оханского, Красноуфимского уездов, Верещагинского, Соликамского, Краснокамского районов);

— формула *«подготовка даров невестой»*, которая строится на детализированном описании технологического процесса изготовления полотна (пряжание, тканье, беление, мытье, сушение и пр.): *«Невеста тихо пряла, звонко ткала, в быстрой реченьке белила, на красном солнышке сушила, в коробеечку клала, из коробеечки на тарелочку: кого надо к дарам прикликала»* [ГАПК, ф. Р-973, оп. 1, д. 261, л. 87, Краснокамский р-н, 1948; 3 варианта из Оханского уезда].

В приговорах используется для изображения невесты «трудолюбивой рукодельницей», характеристики ее навыков;

— формульное описание свадебного стола «*столы дубовы, скатерти браны, ествы сахарны, питья медвяные*» (6 записей из Екатеринбургского, Оханского, Шадринского уездов); в текстах разных свадебных жанров является маркером готовящейся или свершившейся свадьбы;

— формула «*что есть в пече, то неси на плече*» (5 записей из Красноуфимского, Оханского уездов, Соликамского района) используется в застольных приговорах, адресованных поварихе; имеет способность к распространению за счет перечисления локусов дома, в которых находится угощение, и способа подачи его на стол, например: «*А ну-ко, стряпонька, по горенке поворачивайся, башмак о башмак поколачивай: что ес[т]ь в залавке, подвинь по лавке, что ес[т]ь в погребу — таиши на горбу, что ес[т]ь в голбце — то неси молча, что ес[т]ь в пече, то неси на плече, оставь одне кирпичи, чтобы можно было завтра хлеба испекчи!*» [Серебренников, с. 48]. Весьма редкая вербальная манифестация зафиксирована Н. А. Роговым: формула перенесена в финальную часть приговора, а угощение описывается через процесс его изготовления, произрастания, хранения: «*Что в руках вожено, во дворе пущено, во хлеве рощено, что есть в пече, то все неси на плече*» [Рогов, с. 109];

— с помощью формулы «*скок через порог, насилу ножки переволок*» комментируются действия дружки на пороге; в русских свадебных приговорах формула является одной из самых распространенных, фиксируется в записях разных локальных традиций России с начала XIX в. до начала XXI в., в том числе в двух вариантах из Оханского уезда и одном из Чердынского района.

Приведенные выше формулы и типизированные описания представлены в записях XIX — начала XXI в. из разных локальных традиций России [подробнее см.: Крашенинникова, 2003, с. 66, 74–76, 87, 97–105].

Тексты, регулирующие преподнесение невесте даров от жениха, также содержат описания, на содержательном и стилистическом уровнях близкие записям других традиций России. В записях из Оханского, Красноуфимского, Пермского уездов, Краснокамского района (6 вариантов) дружка требует освободить проход к невесте, выражая пожелание не причинить материальный ущерб и телесные повреждения молодым замужним женщинам и девушкам («башмак не разорвать», «бел чулок не загрязнить», «на праву ножку не наступить», «в белу грудь не толкнуть», «за т...у не задить» и пр.):

*Девицы-невицы,
Дочери отецки,
Жены молоденки!
Закиньте белу занавесу,
Разодвиньте дубовы скамьи
И разступитесь на все стороны:
Как бы вам на ногу не ступить,
Белы чулки не загрязнить,*

*Сафьян башмак не надломить,
За белу грудь не задить,
Ка[к] бы вас не прогневить
И самим себя не остыдить*

[РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 5, ед. хр. 83, л. 30;
Оханский у., 1854; варианты указаны в:
Крашенинникова, 2003, с. 91].

Перечень даров («[Посылает князь к невесте] *С куньей шубой, // С синим чулком, // С красным башмаком, // С рыбым гребнем, // С светлым зеркалом*» [РО РНБ, ф. 864, ед. хр. 3, л. 303 об., Екатеринбургский у., до 1868 г.]) в ряде текстов распространяется рекомендацией, как их использовать, например: «...*Бело мыло на умыванье, злато-серебро на уживанье, цветно платье на одеванье, сини чулочки, красны башмачки на обуванье*» [Рогов, с. 99]. В менее распространенном варианте любопытна финальная часть с назиданием невесте: «...*Бьет челом твой суженый костромским мыльцом, мойся беленько, ходи хорошенько, не ходи кухарно, ходи куколкой, берега низко, вода близко, не кручинься, не печалься, Божий закон принять наряжайся!*» [РГО, р. 29, оп. 1, ед. хр. 63, л. 7, Шадринский у., 1849].

Ко второй группе отнесем элементы, которые кроме пермской территории отмечены в отдельных традициях России. Так, изложение в текстах с мотивом «дружка просит освободить полати и полицы для одежды поезжан» строится на последовательном перечислении локусов дома и предметов одежды, аксессуаров поезжан, например: «*Будут ли у вас полати класть нам халаты? Будут ли спицы висить наши рукавицы?*» [ГАПК, ф. Р-973, оп. 1, д. 261, л. 86, Краснокамский р-н, 1948; + 3 варианта]. Близкая текстовая манифестация отмечена в вологодских, вятских, нижегородских записях [Крашенинникова, 2003, с. 85–86; Корепова, с. 537].

В группе застольных приговоров выделяется текст, в котором дружка просит предоставить ему «стул с перилами» и «ложку красну, черен долгий»³, «чтобы было чем хлебать, гостям-поезжанам огрозу дать» [Серебренников, с. 42]⁴. Предметы (стульчик, ложка) могут требоваться отдельно, как наблюдаем в записях 1940-х гг.: «*Будет ли стулик с перильцам дружке сись (сесть)*⁵ и *развалиться широким крыльцам*⁶?» [ГАПК, ф. Р-973, оп. 1, д. 391, л. 2, Кировский р-н г. Молотова, 1947]; «[будут ли у вас] *ложки большие, черны, толсты, чтобы*

³ Образ «ложки — черень долгий», «большой ложки» устойчив в вятских текстах [Крашенинникова, 2017, с. 152].

⁴ Варианты зафиксированы в вятском фольклоре, в отдельных районах Нижегородского региона [РГАЛИ, ф. 342, оп. 2, ед. хр. 78, л. 51, Веглужский у., 1902; ИРЛИ. Власова, тетр. 4, л. 51, Шарангский р-н, 1978; Корепова, с. 547].

⁵ Так в рукописи.

⁶ Ср. *крыльца* 'заплечье, лопатки' [СРНГ, вып. 15, с. 346]; 'плечи' [ГАВО, ф. 4389, оп. 1, д. 147, л. 55, Вельский у. Вологодской губ.].

нашим боярам хлебнуть да за пояс заткнуть, в случае дорогой супонь затянуть» [ГАПК, ф. Р-973, оп. 1, д. 261, л. 85 об.–86, Краснокамский р-н, 1948].

Формула «*все ли в скопе, все ли в сборе*» встречается в приговорах, посредством которых дружка проверяет готовность поезжан к выезду за невестой, зафиксирована в записях из Красноуфимского, Оханского уездов и Чердынского района [Гладких, с. 56, 58; Серебренников, с. 35; ЧС, с. 136], а также в текстах из Глазовского, Вятского, Нолинского уездов Вятской губернии, Устюжского уезда Вологодской губернии [Васнецов, с. 285; Шейн, с. 483; РГО, р. 10, оп. 1, ед. хр. 50, л. 7; до 1893 г.; ГАВО, ф. 4389, оп. 1, д. 401, л. 2]. Тексты с формулой «*подойди (вар.: приступись) поближе, поклонись пониже...*» призваны напомнить персонажам об этикетном поведении, в том числе при поднесении / получении подарков, угощения; отмечены в Красноуфимском уезде⁷ [Гладких, с. 57], а также в записях из Вологодской, Вятской губерний, Вилегодского района Архангельской области [Васнецов, с. 288; Зеленин, 1904, с. 14; Свадебные приговоры..., с. 74; ГАВО, ф. 4389, оп. 1, д. 401, л. 6].

В двух текстах присутствующие на свадьбе гости и глядельщики характеризуются по двум критериям — расположению в доме (куть, полати, печь, порог) и статусу (приглашенный и неприглашенный): «*Благословите, все гости званые и незваные, <...> “кутяна” и “полотьяна”, “сережана”, “запечана” с печи долой, а неряхи домой!*» [Аргентов, 1925, с. 18; вар.: РО РНБ, ф. 864, ед. хр. 3, л. 301 об.], варианты такого построения характеристики отмечены также в вологодско-вятских записях [Ордин, с. 84; Шейн, с. 483; Свадебные приговоры..., с. 72; ГАВО, ф. 4389, оп. 1, д. 401, л. 2 об.].

Распространение в приговорах разных традиций России получили описания, в которых у каждой группы персонажей («малые ребята», «красные девушки», «добрые молодцы», «молодые молодичицы», «старые старики», «старые старухи») описываются внешность, детали одежды, части тела, место в доме [подробнее см.: Крашенинникова, 2006]. В пермских записях зафиксирован и такой вариант:

Батюшко, матушка, братья, сестрисы, старые старички, пожилые мужички, умные головы, широкие бороды. Ваши бороды розглажены, в кабак ходить поважены, старые старушки, вешшые(?)⁸ вдовушки, со клюками стоят, на пешном столбе сидят, старину [в]споминаючи, молодья ругаючи, молодые молодисы, красные девисы, шишоки румяны, волосы долги, умы коротки, ресницы длинны, глаза завидны, малиньки робятки, сининьки заплатки, на полатях лежат, сопли до полу висят [РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 5, ед. хр. 85, л. 55, Шадринский у., 1920-е гг.].

Любопытна география бытования некоторых типизированных описаний, которые в текстах из Пермской губернии фиксируются в единичном варианте. Так, варианты к оханской записи с характеристикой «дорожки» — прохода

⁷ В шадринской локальной традиции формула оказалась более продуктивна в заговорах, которые произносились дружкой / вежливцем [Свадебные обряды..., с. 15; РГО, р. 29, оп. 1, ед. хр. 32-б, л. 27; ед. хр. 63, л. 3].

⁸ Так в рукописи. Возможно, *вечные* или *вещие*.

к невесте («*Дайте дружке дорожку не узку, не величку, с одну половичку — половичка гнется, а дружка вперед подается, за серебряну скобочку берется!*») [Серебренников, с. 39]) — фиксируются в материалах последней трети XX — начала XXI в. из Вилегодского района Архангельской области, Кезского района Удмуртии, Шарангского района Нижегородской области [Свадебные приговоры..., с. 99; РФУ, с. 54; ИРЛИ. Власова, тетр. 4, л. 87, 1978 г.].

В другом оханском тексте зафиксировано описание пути-дороги с образом «волока 55 елок» [Аргентов, 1925, с. 17], однако образ «долгого волока», длина которого измеряется количеством деревьев («волок долог, 77 елок», «волок-от не долог: 77 елок, 77 берез»), отмечен в приговорах из Яранского уезда Вятской губернии, а также в экспедиционных материалах последней трети XX — начала XXI в. из Вилегодского района Архангельской области, Глазова, Мурашинского, Котельничского, Подосиновского районов Кировской области и Нижегородской области [Васнецов, с. 285–286; РФУ, с. 49; Свадебные приговоры..., с. 102; Зеленин, 1904, с. 16; Корепова, с. 522; СыктГУ, 1804-67; АКФ МГУ, ФЭ–18:3170, ФЭ–16:2755; ИРЛИ. Власова, тетр. 4, л. 23 об., 28, 54, 1978 г.].

Из специфических характеристик пермских записей укажем довольно «плотное» присутствие в свадебных приговорах заговорно-заклинательного компонента. Во-первых, в опубликованных и архивных материалах присутствуют заговоры и заклинания, которые в кульминационные моменты ритуала произносит вежливец или дружка (перед отправлением за невестой, венчанием, первой брачной ночью и др.). В ряде случаев собиратели и публикаторы не делали четкого разделения между приговорами и заговорами, что, вероятно, диктовалось состоянием самой традиции, взглядом на нее «изнутри», т. е. с точки зрения информанта, и включали в репертуар свадебных чинов заговорно-заклинательные тексты⁹.

Во-вторых, в пермских приговорах реализуются версии заговорных мотивов. В частности, мотив «чудесного одевания» [о мотиве: Познанский, с. 78, 253–258; Топорков, с. 210–271], который отмечен в заговорах, призванных воздействовать на власть и судей, пастушеских, охотничьих, воинских и свадебных оберегах, заговорах на красоту [Топорков, с. 210] и имеет семантику ограждения или космического украшения. В свадебных приговорах этот мотив со значением ограждения используется в описаниях жениха, ожидающего приглашения в дом невесты. Зачинная конструкция «жених находится (вар.: *остался, ждет, стоит*) под...» («...*стоит он в чистом поле, в широком раздолье, <...> под красным солнцем, под светлым мисецом, под частыми звездами...*») [Гладких, с. 59]) распространяется описанием с формулой «ограждения космическими реалиями»

⁹ В частности, заговор от «еретика» с мотивом «железного тына», заговор от порчи коня в дороге с образом Егория храброго [Аргентов, 1940, с. 176, 177], заговор «Для отвращения мнимых неполадок в дороге» («не знающие этот наговор дружки читают Сон Пресвятыя Богородицы») [Свадебные обряды..., с. 15], заговор от «еретика» / «зла-лиха человека» [Серебренников, с. 35; РГО, р. 29, оп. 1, ед. хр. 63, л. 2–4, 1849 г.], присушку, номинированную в рукописи приговором [РГО, р. 29, оп. 1, ед. хр. 32-б, л. 26 об.–27 об., 1850 г.] и др.

в характерной для нее манифестации: *«Наш обрученной князь молодой со всем большим поездом ждет в чистом поле, в широком раздолье, светом покрывся, небом огородился, звездам обтыкался»* [РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 5, ед. хр. 83, л. 30, Оханский у., 1854]. В пермских записях отмечена и формула «умывания росой, утирания солнцем, опоясывания месяцем»¹⁰: *«Остался наш князь молодой обрушиной в чистом поле, широком раздолье, мисяцом опоясался, частыми звездами обтыкался, росой умывался, красным солнышком обсушался»* [Серебренников, с. 37–38].

Наконец, поэтические приемы некоторых текстов отсылают к заклинаниям: в большей степени это касается тех текстов, в которых проговариваются будущие действия поезжан. Так, при отправлении свадебного поезда за невестой дружка произносит приговор, в который включает заклинательный элемент с условно-повелительной модальностью *«...не было бы у нас в пути-дороженьке хитреца-мудреца, чтобы сбруя не рвалась, кареты не ломались, наши добрые кони не “скудались”¹¹, наши добрые кони бежали и ржали, бодрее головы держали»* [Аргентов, 1925, с. 18]. Близкий по функции, но более выразительный по содержанию текст зафиксирован в Шадринском уезде в 1920-е гг. В нем представлен перечень людей и животных, встреча с которыми в дороге крайне нежелательна для свадебного поезда:

Благословите нашего новображного князя молодого в путь-дорогу дальнюю <...> Чтобы вражья сила не видела, чтобы глаз лихой не изурочил, чтобы заес¹² долгоухой, чтобы с ведрами молодиса, со чулком красна девиса, с троснисой¹³ старая старуха, со славеными просвирня, со крестом поп догволосяй, по<нрзб., возм. клет>ник¹⁴ неумный, зеленоглазая черна кошка дорогу не перешили. В добром здравье до терема красной девисы доехать, ко храму божьему приставить¹⁵, божей закон принять [РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 5, ед. хр. 85, л. 55–56].

В цитированном тексте нашло отражение поверье, которое предписывает молодоженам при выходе из дома, отъезде в церковь опасаться встречи с животными или людьми, способными навести порчу или расстроить свадьбу. В частности, в Вятской губернии перед отправлением к венчанию дружка требовал удалить собак и кошек: «крестьяне верят, что если перед оправлением в путь или перед приступлением к чему-нибудь пробежит по избе собака или кошка, а особенно если попадетса навстречу, — то это дело будет неудачно; если же кошка или собака пробежит посреди новобрачных, то разрознит навеки сердца

¹⁰ Об этой версии фольклорного мотива «чудесного одевания» в заговорах см.: [Топорков, с. 216, 223–229].

¹¹ Навычки в публикации, ср. *скудаться* несов., неперех. ‘нуждаться, испытывать недостаток в чем-л.’, ‘прихварывать, хворать, болеть’ [СРНГ, вып. 38, с. 174–175].

¹² *Заяц*.

¹³ Вероятно, *с тростью*.

¹⁴ Возможно, здесь употребляется в значении ‘знахарь’, ‘колдун’, ср. *клетник* сев. ‘знахарь, оберегающий молодых от порчи’ [Даль, т. 2, с. 121].

¹⁵ *Пристать*, т. е. ‘подъехать’.

молодых» [РГО, р. 10, оп. 1, ед. хр. 28, л. 14 об.–15, Вятская губ., до 1850 г.]. Заяц перебегает дорогу к беде [РГАЛИ, ф. 1477, оп. 1, ед. хр. 90, л. 113, Северная обл., 1937]. Известны приметы, что встретить священника или женщину с пустыми ведрами — к несчастью, отсутствию успеха в деле.

Заклинательный элемент включается в приговор вежливец, который он произносит после венца в доме жениха «на первый стакан вина». Желая здоровья всем присутствующим, вежливец напоминает гостям о правильном, «добром», поведении на свадьбе, дополняя характеристику «злых лихих людей» заклинательным компонентом:

*...Диво тому, кто позван на пиру, идет невесело ко двору, голову повесил, глаза потупил, головой кивает, бровью играет, недобро хозяину в дом совершает. А злому тому лихому человеку **збавь Бог веку, от всякой напасти скорее бы ему пропасти.** Добрые-те люди да званые-те гости идут вежливо по двору, сидят честно на пиру, бороду расправляют, пиво принимают, за здоровье новображных выпивают!* [РГО, р. 29, оп. 1, ед. хр. 63, л. 11, Шадринский у., 1849].

Полагаем, появление в приговорах заговорно-заклинательного репертуара может объясняться нечетким разделением в пермской традиции функций дружки и колдуна в ритуале. Так, в описании свадебных обрядов Шадринского уезда отмечено: «Знахарь, в западном краю Шадринского округа называемый дружкой, здесь известен под именем сторожа, вежливец, наговорщика и опасного» [Свадебные обряды..., с. 17]; «на обычной свадьбе всегда бывает сторож, называемый еще “большаком, опасным, вежливецем”, вежливец произносит заговоры и приговоры» [Зеленин, 1916, с. 1033–1034]. В том же Шадринском и Соликамском уездах корреспонденты РГО отмечали, что приговоры читает вежливец — «выбранный» человек [РГО, р. 29, оп. 1, ед. хр. 20, л. 9, Соликамский у., 1849], он же и «шепчет слова», т. е. заговаривает жениха, молодых [Там же, ед. хр. 63, л. 2, Шадринский у., 1849]. П. С. Богословский в посвященной свадебным чинам работе, со ссылкой на пермские материалы, указывает: дружка — «главное действующее лицо на свадьбе, охраняет своим присутствием, <...> выбирается из людей, слывающих за знахарей» [Богословский, с. 18], вежливец — «оберегатель и распорядитель свадьбы, колдун в середине XIX в.» [Там же, с. 49]. Исследователи пермской свадьбы также говорят об отсутствии четкого разделения функций этих свадебных чинов; по наблюдению И. В. Зырянова, в пермской свадьбе известен чин вежливец, ведуна, т. е. колдуна, обязанности которого нередко исполнял старший дружка [Зырянов, с. 55]. Возможно, такое неразличение («совпадение функций» [Богословский, с. 52]) обязанностей двух свадебных чинов повлекло за собой появление в репертуаре дружки и приговоров, и заговоров, а также «включенные» заговорно-заклинательного компонента.

Некоторые описания, портретные характеристики приговорных текстов демонстрируют тематическую и стилистическую близость с обрядовой лирикой. Так, в красновишерском приговоре дружка комментирует момент передачи

невесте подарков от жениха; финальные строки текста отсылают к свадебным причитаниям с темой жизни невесты в замужестве:

*...Приняла ты гостиночки,
Не гостиночки, не подарочки —
Там укорушку великую,
Там работушку тяжелую*

[ЧС, с. 139, Красновишерский р-н, 1964]¹⁶.

Характеристики тысяцкого и дружки обнаруживают влияние корильных песен, которые чаще всего исполнялись для порицания свадебных персонажей (дружки, тысяцкого, свата и др.), содержали карикатурное описание внешности, поступков. В корильных песнях создавалась галерея портретов нищих, воров, обжор, пьяниц, дураков и выражалось насмешливое, отрицательное отношение к ним [Круглов, с. 119]. В приговорах из Красноуфимского и Оханского уездов тысяцкий «большебрюхий», «толстопузый», подчеркивается его жадность в еде, ненасытность: «...А княжой тысячкой, широка борода, гладка голова сидит-гледит, глазами вертит — ись просит! У тысячкова брюхо некошно, на вокруг обошло, набить ево ничем не можно!» [Гладких, с. 57]; «У нас тысячкой большебрюхой ись хочет» [Серебренников, с. 48]. Образ «тысячко большебрюхого», который «все поел, покушал» фиксируется в записи 1969 г. из Чернушинского района Пермской области [РО ИРЛИ, ф. 850, оп. 4, ед. хр. 94, л. 10], в записи 1978 г. из этого же района карикатурность, комичность характеристики тысяцкого снимаются за счет смены эпитета: «Тысяцкий большебородый // Все поел, покушал» [Там же, ед. хр. 19, л. 149 об.]. В одной из записей прожорливым предстает и дружка: «У нас тысячкой большебрюхой: он все выпьет, дружка присел, все чисто съел!» [Аргентов, 1940, с. 177].

В приговорах из Бердышевской волости Оханского уезда зафиксирован мотив «невеста, ожидая жениха, подметает улицу», где «подметенная улочка» выступает как маркер готовности к свадьбе: «Вот сказали, что наша княгиня молодая **мостики не метала, топорицом не скоблила**. Вот сказали, что не дожидает наша княгиня молодая обрушная князя молодова обрушнова. **Мостички подмела, топорицом подскоблила** и нашева князя молодова обрушнова дождалась. По сеничкам все подмела веничком!» [Там же]. Ср.: в свадебной песне из Шадринского уезда, которая пелась при встрече жениха, у ожидающей его невесты «чисто выметенная улочка», устланная «бархатом и сукном» [Свадебные обряды..., с. 42], в вологодской свадебной песне выражено требование «мести сенечки метелочкам», «скребсти сенечка скребелочкам» к приезду жениха [Иваницкий, с. 94]¹⁷.

¹⁶ Ср. в причитании невесты: «[сторговал братец] На чужой дальней стороншке // Мне великую заботушку, // Мне тяжелую работушку» [ЧС, с. 22, Чердынский р-н, 1960].

¹⁷ Мотив «подметания улочки» встречается и великочетверговой магии: чтобы выйти замуж, девушки на Великий Четверг «разметали» дорогу для привлечения женихов [ИЯЛИ, ВФ 1706-41, Вилегодский р-н Архангельской обл., 2004].

Примером включения дружками в свой репертуар фольклорных и литературных текстов, напрямую не связанных со свадебным ритуалом, является «наговор-рассказ» (термин публикатора [Серебренников, с. 67]), который дружка «наговаривает» для развлечения зрителей, «если невесту долго не выводят из-за занавеси» [Там же]. Содержательно он следующий: Кострюк на свадебном пире сестры Марьи Темрюговны и Ивана Грозного вызывает на поединок русских царских борцов, намереваясь их победить и опозорить, но сам терпит поражение от «малинького», «слепинького» и «хроминького» Потаньки. Перед нами пересказ исторической песни о Кострюке, «одной из наиболее популярных исторических песен XVI века, известной в огромном количестве записей» [Исторические песни..., с. 641]. Использование ее в свадебном репертуаре можно объяснить реализацией в зачине «наговора» темы женитьбы («Задумал Грозный Иван жениться, вздумал обручаться...» [Серебренников, с. 67]).

В пермских материалах зафиксированы также приговоры сватов, банные приговоры. Из последних приведем несколько лаконичных текстов-назиданий «сведущей тетушки», которые она говорила в бане, пока девушки под ее руководством мыли невесту:

*Мойся, усок, промывайся, усок, завтра, усок, дадут мяса кусок.
Мучили сны и виденья, скоро узнашь у мушшны на кутыге сиденьё.
Домовой, домовой, домой! Пойди домой, мой хохол больше не твой.
Дедушко домовой! Давай простимся с тобой! Посолуй¹⁸ мой хохол, он больше не твой.*

[РО ИРЛИ, ф. 690, оп. 5, ед. хр. 85, л. 49, Шадринский у., 1920-е гг.]

Эротический оттенок эти приговоры получают благодаря значениям отдельных слов. Так, эвфемизмы *хохол*, *хохол* в свадебных текстах употребляются в отношении невесты и окружающих ее молодых женщин для обозначения *vulva*¹⁹. Текст «Мойся, усок, промывайся, усок, завтра, усок, дадут мяса кусок» формульного характера, с небольшими вариациями регистрируется во многих

¹⁸ Следует читать: *поцелуй* (глагол в повелительном наклонении).

¹⁹ В свадебном фольклоре довольно много примеров. См. тексты из разных районов Кировской области, которые исполнялись при проводах молодых на подклет: «*На подклет поведут, весело поведут. Ее тут-ока всяко про нее напоют, всяко и матючком. "На подклет вести да за хохол трясти"*» [СыктГУ, 2301-37. Подосиновский р-н, 1993]; [приговор] «*Благословите дружку князя // Молодых на подклет свести, // За хохол потрясти*» [АКФ МГУ, ФЭ-18:5923, № 92, Шабалинский р-н, 1992]. Чухломской приговор «*Мойся, хахлуша, // Парся, хахлуша, // Завтра, хахлуша, // Мяса дадут*», который произносили девушки в бане, собиратель комментирует следующим образом: «Накануне дня свадьбы устраивался девичник, частью которого являлся обряд бани. Действия и произносимые обрядовые тексты носили ритуальное значение, но встречались и шуточные приговоры, как, например, приведенный ниже» (орфография и пунктуация оригинала сохранены. — Ю. К.) и фиксирует пояснение лексемы *хахлуша*: «*"Хахлуша" (хохлуша, хохолок) — волосяной покров, покрывающий лобковую кость у женщины*» [Архив КГУ, зап. А. А. Бедовой 17.07.2007 г. в Чухломском р-не Костромской обл.]. Попутно заметим, что слово *хохлуша* в народных представлениях связывается с курицей (ср. *хохлуша* 'хохлатая птица, курица' [Даль, т. 4, с. 563]), которая в свадебном обряде имеет брачно-эротическую символику [Бушкевич, с. 62].

жанрах свадебного обряда²⁰. Весьма любопытны приговоры, обращенные к домовому, в которых проговаривается тема прощания с ним просватанной девушки, заявляется об отделении ее от своей семьи.

Сопоставление пермских записей XIX — первой трети XX в. с материалами других территорий позволило вписать пермскую традицию в более широкий культурно-географический контекст, показать типологические схождения с «общерусским» фондом жанра. Особо следует сказать о текстологической близости пермских и вологодско-вятских записей, а также текстов из отдельных местностей нижегородской территории. В пермских приговорах отмечены процессы, характерные для текстов многих традиций, и связаны они, в большей степени, с исполнительскими стратегиями: включение в говорной репертуар фольклорных и литературных текстов, напрямую не связанных со свадебным ритуалом, использование поэтического инвентаря и художественно-стилистических приемов обрядовой лирики, заговорно-заклинательной поэзии. В числе специфических характеристик пермских записей укажем довольно «плотное» присутствие в свадебных приговорах заговорно-заклинательного компонента, что может объясняться нечетким разделением функций дружки и колдуна в ритуале.

Сокращения

вар.	вариант
г.	город
губ.	губерния
обл.	область
р-н	район
у.	уезд

Источники

АКФ МГУ — архив кафедры фольклора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Аргентов Г. Наговоры дружки // Уральский современник. 1940. № 3. С. 176—178.

Аргентов Г. Наговоры дружки на свадьбе // Кунгурско-Красноуфимский край. Февраль 1925. № 2. С. 17—19.

Архив КГУ — архив фольклорно-краеведческой лаборатории Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Материалы фольклорных практик.

Васнецов А. Песни северо-восточной России. Песни, величания и причеты, записанные в Вятской губернии в 1868—1894 гг. М.: Типо-лит. Д. А. Бонч-Бруевича, 1894.

ГАВО — Государственный архив Вологодской области. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 147, 401.

²⁰ Например, в свадебных песнях: «*Баня бела, баня бела, // Баня — белый потолок. // Возле каменки стола, // Парилка свой хохолок. // Ох, мойся, усок, // Подмывайся, усок. // Тебе завтра, усок, // Дадут мяса кусок*» [Русский фольклор Сибири, с. 147, Курганская обл., 1984]. В свадебном обряде Кировской области также зарегистрирован в качестве банного приговора: «*Невеста в баню с подружками ходит. Девочки невесту моют. Голову моют, все омывают. Наговорят бывало. Матюги всякие, такие какие-то нехорошие говорят: “Мойся усок, промывайся, мусок, завтра усол, дадут мяса кусок”*» [СыктГУ, 2239-3, Опаринский р-н, 1992].

- ГАПК — Государственный архив Пермского края. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 261, 391.
- Гладких А. Н. Крестьянские свадебные обряды и проч. у жителей села Торговижского Красноуфимского уезда Пермской губ. // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Вып. X. Пермь, 1913. С. 1—76.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : ТЕРРА, 1995.
- Зеленин Д. К. Свадебные приговоры Вятской губернии / Записал и снабдил комментариями Д. К. Зеленин. Вятка : Губ. тип., 1904. С. 1—33.
- Иваницкий — Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иванициком в Вологодской губ. Вологда : Кн. изд-во, 1960.
- ИРЛИ. Власова — полевые дневники З. И. Власовой (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН). Тетр. 4.
- Исторические песни XIII—XVI веков / изд-е подготовили Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960.
- ИЯЛИ — фольклорный фонд Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, ВФ — видеофонд
- Ордин Н. Г. Свадьба в подгородних волостях Сольвычегодского уезда // Живая старина. Вып. I. СПб., 1896. С. 51—121.
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 342. Оп. 2. Ед. хр. 78; Ф. 1477. Оп. 1. Ед. хр. 90.
- РГО — архив Русского географического общества. Р. 10. Оп. 1. Ед. хр. 28, 50; Р. 29. Оп. 1. Ед. хр. 20, 32-6, 63.
- Рогов Н. А. Материалы для описания быта пермяков // Пермский сборник. Повременное издание. М., 1860. Кн. 2, ч. 2. С. 1—128.
- РО ИРЛИ — рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 690. Оп. 5. Ед. хр. 83, 85; Ф. 850. Оп. 4. Ед. хр. 19, 94.
- РО РНБ — Российская национальная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, рукописный отдел. Ф. 864. Ед. хр. 3.
- Русский фольклор Сибири — Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Свадебная поэзия и похоронная причеть / сост. Р. П. Потанина, Н. В. Леонова, Л. Е. Фетисова. Новосибирск : Наука, 2002.
- РФУ — Русский фольклор Удмуртии / сост., предисл., вступ. ст., примечания А. Г. Татаринцева. Ижевск : Удмуртия, 1990.
- Свадебные обряды в Шадринском уезде Пермской губернии // Пермские губернские ведомости. 1864. № 3. С. 15—17; № 7. С. 42—44.
- Свадебные приговоры Вилегодского района Архангельской области в рукописной и устной традиции XX в. (исследование и тексты) / сост., вступ. ст. и коммент. Ю. А. Крашенинниковой. Сыктывкар : Коми науч. центр УрО РАН, 2009.
- Серебренников В. Н. Свадебные обычаи и песни крестьян Андреевской волости Оханского уезда Пермской губернии (со вступительной статьей А. Д. Городцова и 8-ю стр. нот) // Материалы по изучению Пермского края. Пермь : Электро-тип. «Труд», 1911. Вып. IV. С. 1—68.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965—. Вып. 1—.
- СыктГУ — фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина.
- Чагин Г. Н. Пермская губерния // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2331964 (дата обращения: 28.11.2019).
- ЧС — Чердынская свадьба. Старинные свадебные песни и причитания / Записал и составил И. В. Зырянов. Пермь : Перм. кн. изд-во, 1969.
- Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Т. 1. Вып. 1, 2 / Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1900.

Исследования

- Богословский П. С. К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов. Пермь : Кружок по изучению Северного края при Пермском университете, 1927.
- Бушкевич С. П. Курица // Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 60–68.
- Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива Императорского русского географического общества. Вып. 3. Петроград : Тип. А. В. Орлова, 1916.
- Зырянов И. В. Заговор и свадебная поэзия // Ученые записки Пермского пед. института. Т. 147 : Фольклор и литература Урала. 1975. Вып. 2. С. 49–82.
- Корепова К. Е. Русская свадьба в Нижегородском Поволжье. Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 2019.
- Крашенинникова Ю. А. Свадебные приговоры дружки: Структурно-семантический, функциональный аспект жанра : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.09. Сыктывкар, 2003.
- Крашенинникова Ю. А. Персонажи в приговорах свадебных дружек: образы участников ритуала // Традиционная культура. 2006. № 3. С. 23–31.
- Крашенинникова Ю. А. Реалии и их номинации в свадебных приговорах дружки // Вестник Вятского государственного университета. 2017. Вып. 11. С. 151–158.
- Круглов Ю. Г. Русские обрядовые песни : учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.». 2-е изд., испр. и доп. М. : Высш. шк., 1989.
- Познанский Н. Ф. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. М. : Индрик, 1995.
- Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. In memoriam. СПб. : Петербургское востоковедение, 2003.
- Топорков А. Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв.: История, символика, поэтика. М. : Индрик, 2005.

References

- Bogoslavsky, P. S. (1927). *K nomenklature, topografii i khronologii svadebnykh chinov* [On the Nomenclature, Topography, and Chronology of Wedding Rituals]. Perm: Kruzhok po izucheniiu Severnogo kraia pri Permskom universitete.
- Bushkevich, S. P. (2004). Kuritsa [A Hen]. In N. I. Tolstoy (Ed.), *Slavianskie drevnosti. Etnolingvistsheskii slovar'* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary] (Vol. 3, pp. 60–68). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Korepova, K. E. (2019). *Russkaia svad'ba v Nizhegorodskom Povolzh'e* [Russian Wedding in Nizhny Novgorod Volga Region]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University Press.
- Krasheninnikova, Yu. A. (2003). *Svadebnye prigovory družki: Strukturno-semanticheskii, funktsional'nyi aspekt zhanra* [Wedding Speeches and Rhymes of a Groomsman: Structural and Semantic and Functional Aspect of Genre] (doctoral dissertation). Syktyvkar.
- Krasheninnikova, Yu. A. (2006). Personazhi v prigovorakh svadebnykh družhek: obrazy uchastnikov rituala [Characters in the Speeches of a Wedding Groomsman: Images of the Participants of the Ritual]. *Traditsionnaia kul'tura*, 3, 23–31.
- Krasheninnikova, Yu. A. (2017). Realii i ikh nominatsii v svadebnykh prigovorakh družki [Culture-Specific Elements and Their Nominations in the Wedding Speeches of a Groomsman]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 11, 151–158.
- Kruglov, Yu. G. (1989). *Russkie obriadovye pesni: uchebnoe posobie dlia pedagogicheskikh institutov* [Russian Ritual Songs: Handbook for Pedagogical Institutes] (2nd ed.). Moscow: Vysshaia shkola.
- Poznansky, N. F. (1995). *Zagovory. Opyt issledovaniia proiskhozhdeniia i razvitiia zagovornykh formul* [Plots. An Attempt at the Study of the Origin and Development of Hoodoo Formulas]. Moscow: Indrik.

Putilov, B. N. (2003). *Fol'klor i narodnaia kul'tura. In memoriam* [Folklore and Folk Culture. In Memoriam]. St Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.

Toporkov, A. L. (2005). *Zagovory v russkoi rukopisnoi traditsii XV–XIX vv.: Istorii, simbolika, poetika* [Plots in the Russian Handwritten Tradition of the 15th–19th Centuries: History, Symbolism, Poetry]. Moscow: Indrik.

Zelenin, D. K. (1916). *Opisanie rukopisei Uchenogo arhiva Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [Description of Manuscripts of the Scientific Archive of the Imperial Russian Geographical Society] (Vol. 3). Petrograd: Tip. A. V. Orlova.

Zyryanov, I. V. (1975). Zagovor i svadebnaia poeziia [Incantation and Wedding Poetry]. *Uchenye zapiski Permskogo pedagogicheskogo instituta, 147: Fol'klor i literatura Urala* [Folklore and Literature of Urals] (2), 49–82.

Крашенинникова Юлия Андреевна

кандидат филологических наук,
зав. сектором фольклора
Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
167982, Сыктывкар,
ул. Коммунистическая, 26
Email: krashennnikova@rambler.ru

Krashennnikova, Yulia Andreevna

PhD (Philology), Head of the Department
of Folklore Studies
Institute of Language, Literature and History
of Komi SC UB RAS
26, Kommunisticheskaya Str.,
167982 Syktyvkar, Russia
Email: krashennnikova@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-2045-4486
Scopus AuthorID: 57202464389